

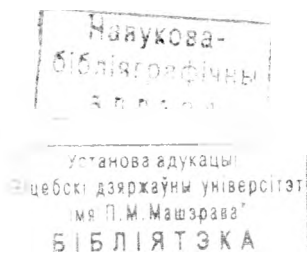
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 882 (091)

ГОЛУБОВИЧ
Нина Васильевна

**ТИПЫ И ФУНКЦИИ ВТОРИЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
УСЛОВНОСТИ В ПРОЗЕ М.А. БУЛГАКОВА**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10. 01. 02 – русская литература

Минск, 2009

Работа выполнена в Учреждении образования «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»

Научный руководитель: **Здольников Виктор Викторович**,
кандидат филологических наук, доцент, доцент
кафедры литературы УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Официальные оппоненты: **Андреев Анатолий Николаевич**,
доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры теории литературы Белорусского государственного университета
Иванов Алексей Валерьевич,
кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной работе УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова»

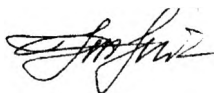
Оппонирующая организация УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

Защита состоится « 3 » апреля 2009 года в 16⁰⁰ часов на заседании совета по защите диссертаций Д 02.01.12 при Белорусском государственном университете (220030, г. Минск, ул. К. Маркса, 31, филологический факультет, ауд. 62; тел. ученого секретаря: 227-61-40).

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Белорусского государственного университета

Автореферат разослан « » февраля 2009 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций

Хмельницкий Н.Н.

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Многие аспекты творчества М.А. Булгакова по-прежнему находятся в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. Открытым вопросом остается и природа вторичной художественной условности, при изучении которой нами учитывался опыт мирового булгаковедения, фактографический материал и методология, представленные в трудах ведущих ученых (М.О. Чудаковой, Л.М. Яновской, В.В. Петелина, Б.В. Соколова, Е.Б. Скоропеловой, И.З. Белобровцевой, Г.М. Ребель, Дж. Кертис, Р. Джулиани и др.).

К настоящему времени в научном освоении проблемы художественной условности в произведениях М.А. Булгакова обозначились два направления. Такие ученые, как Л.Б. Менглинова, В.В. Инютин, И.А. Тихонов¹, рассматривают отдельные формы художественной условности и характер их взаимоотношений с другими составляющими структуры созданных автором художественных моделей реальности, другие (В.Я. Лакшин, Б.М. Гаспаров, Е.Б. Скоропелова, М.С. Петровский, И.С. Скоропанова, А.А. Гугнин, М.М. Голубков, Е.Н. Ковтун, М.Б. Ладыгин, Л.Г. Джанашия, В.И. Немцев, Ю.А. Голодникова, Т.Н. Мельникова, Л.М. Щетинина и др.)² акцентируют внимание на отдельно взятом произведении, жанре или творческом периоде, анализируя характер художественной условности в ряду других важнейших элементов булгаковской поэтики. Монографических исследований, посвященных комплексному изучению природы вторичной художественной условности в диахронном срезе, нет. Реферируемая диссертация посвящена выявлению доминантных типов художественной условности в прозаических произведениях М.А. Булгакова, определению их функций и характера взаимоотношений, установлению основных тенденций эволюционного преобразования булгаковской условности.

¹ Инютин, В. В. Гротеск в русской прозе 30 – 40 гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / В.В. Инютин; Воронежск. гос. ун-т – Воронеж, 1995. – 20 с.; Менглинова, Л.Б. Гротеск в русской советской прозе 20-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Л.Б. Менглинова; Томский гос. ун-т. – Томск, 1982. – 18 с.; Тихонов, И. А. Формы и функции фантастики в русской прозе нач. XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / И. А. Тихонов; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда, 1994. – 21 с.

² Голодникова, Ю.А. Художник и действительность: поэтика «Генерального романа» М.А. Булгакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Ю.А. Голодникова; Днепрпетровск. гос. ун-т. – Днепрпетровск, 1997. – 16 с.; Джанашия, Л. Г. Формы художественной условности в русской прозе 20-х годов (А. Гриц, М. Булаков, Е. Замятин): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Л.Г. Джанашия; МГУ им М.В. Ломоносова. – Москва, 1996. – 21 с.; Мельникова, Т. Н. Русская и белорусская сатирическая проза периода 20-х гг. XX столетия (Булгаков, Зощенко, Крапива, Мрый): автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.01; 10.01.02 / Т.Н. Мельникова; Беларусск. гос. ун-т. Минск, 1996.–20 с.; Скоропанова, И. С. Идеино-художественные искания М. А. Булгакова (20-е годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.641 / И. С. Скоропанова, Беларус. гос. ун-т. – Минск, 1972. – 21 с.; Щетинина, Л. М. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: (Генезис и особенности поэтики): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Л. М. Щетинина; Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко – Киев, 1993. – 14 с. и др.

Актуальность и новизна диссертации заключаются в следующем:

1. Сквозь призму вторичной художественной условности рассматриваются все прозаические произведения М.А. Булгакова. В современном булгаковедении нет единых принципов идентификации разновидностей фантастического у писателя. Как следствие, границы научной, социальной и романтической фантастики оказались размытыми. Специальный анализ природы фантастического в прозе М.А. Булгакова помогает устранить некоторые спорные суждения и отдельные неадекватные оценки в работах критиков.

2. До настоящего времени исследовательский поиск в основном ограничивался семантической сферой булгаковской условности или касался отдельных аспектов ее архитектоники, в то время как отмеченный феномен требует системного изучения. При таком подходе вопросы типологии, функциональной специфики вторичной художественной условности и ее эволюции в контексте всей булгаковской прозы являются первостепенными.

3. В работе доказывается эволюционный характер вторичной художественной условности в произведениях М.А. Булгакова, фиксируются закономерности прогрессивного усложнения созданных писателем художественных систем, устанавливаются внешние предпосылки и внутренние стимулы стремления различных типов вторичной художественной условности к интеграции, обосновывается идея их синтеза как итога эволюционного преобразования вторичной художественной условности в булгаковской прозе. Своеобразие анализируемых художественных моделей реальности раскрывается через координацию и субординацию различных типов вторичной условности, через законы их синтеза – общие (имманентные) и специфические (булгаковские). В таком ракурсе и объеме проблема никем не ставилась.

4. Изучив специфику вторичной условности в прозе М.А. Булгакова, автор диссертации приходит к заключениям, которые – в силу активного взаимодействия русской и белорусской литератур – могут быть использованы для выявления закономерностей и особенностей развития белорусской литературы XX века, содержащей вторичную художественную условность, а также экстраполированы на современный литературный процесс.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными программами и темами

Диссертационное исследование связано с государственными плановыми научными темами, которые разрабатываются на кафедре литературы УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»: «Творческая индивидуальность писателя и литературный процесс: сопоставительное изучение и преподавание» (2000-2005 гг., государственный регистрационный номер № 20021422), «Литература и фольклор: сопоставительное изучение и преподавание» (2006-2010 гг., государственный регистрационный номер № 20062119).

Цель и задачи исследования

Цель диссертации – выявить специфику вторичной художественной условности в прозаических произведениях М.А. Булгакова. Для достижения цели были определены следующие **задачи**: 1) рассмотреть вторичную художественную условность в булгаковской прозе с позиции ее эволюции на протяжении всего творчества писателя; 2) выделить доминантные типы условности, зафиксировать их семантические и структурные отличия; 3) определить функции и значение конкретных типов условности, внешние и внутренние стимулы их интеграции; 4) выявить закономерности прогрессивного усложнения созданных писателем моделей реальности; 5) установить художественный потенциал синтеза всех типологических разновидностей вторичной условности в романе «Мастер и Маргарита»; 6) сопоставить инновационные процессы в белорусской фантастической прозе рубежа XX–XXI веков с художественным опытом М.А. Булгакова.

Объект исследования – проза М.А. Булгакова, содержащая вторичную художественную условность («Приключения стенгазеты», «Крысиный разговор», «Приключение покойника», «Воспоминания», «Сапоги-невидимки», «Багровый остров», «Похождения Чичикова», «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце», «Белая гвардия», «Тайному другу», «Записки покойника», «Мастер и Маргарита»).

Предмет изучения – специфика конкретных типов вторичной художественной условности, функциональные возможности их интеграции, закономерности эволюционного преобразования вторичной художественной условности в прозаических произведениях писателя.

Положения, выносимые на защиту

1. Вторичная художественная условность в прозе М.А. Булгакова – динамичная, системно организованная функциональная полиморфическая структура. Последовательное усложнение и универсализация художественных моделей реальности за счет интеграции сатирического, фантастического и мифологического типов условности – ведущая тенденция эволюции творчества писателя.

2. Основным художественным принципом ранних произведений М.А. Булгакова является разоблачительно-комическая типизация, реализованная средствами сатирической и фантастической условности. Художественная конструкция большинства фельетонов и рассказов, повести «Дьяволиада» определяется сатирическим типом условности. *На этом этапе фантастический гротеск выступает как один из приемов сатирического иносказания.*

В повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце» в связи с усложнением фантастики характер соотношения сатирической и фантастической условности существенно изменяется. Фантастика в этих произведениях претерпевает качественные изменения. Теперь она выполняет сюжетобразующую функцию, приобретает принципиальное значение в выражении смысла данных моделей,

что позволяет рассматривать ее как самостоятельную типологическую разновидность. Архитектоника «Роковых яиц» и «Собачьего сердца» строится на основе взаимодействия и взаимовлияния *двух типов художественной условности: сатирического и фантастического* – при акцентировании сатирической цели. М.А. Булгаков тестирует современные социальные утопии, пародируя жанровые каноны научной фантастики. Этот прием позволяет писателю обнажить нравственную несостоятельность общественно-политических экспериментов революционной эпохи.

3. Своеобразие пятой главы в романе «Белая гвардия» обусловлено наличием *трех типов вторичной условности: фантастического, мифологического и сатирического*. Иерархия взаимоотношений между этими типами определяет как функциональные задачи каждого, так и выразительные возможности их структурно-семантического единства. Доминантными в созданной автором аллегорической картине являются мифологическая и фантастическая условность. Художественная модель реальности этой части романа ориентирована на жанровую модель социальной утопии. Писателем используются некоторые традиционные для нее мотивы, образы и сюжетные ходы: эсхатологическое ожидание земного рая, мотив фантастического перемещения во времени и пространстве, персонифицированный образ солнца («лучезарные» герои Най-Турс и Жилин), форма сна как способ исторического прогнозирования. Сатирическое акцентирование бытовых деталей, использование парадокса, десакрализация образов и ситуаций, опрошение проясняют трагическое несоответствие реальности идеалу. Объединение художественных возможностей различных типов вторичной условности создает многоуровневую повествовательную структуру, рождает смысловое многоголосие.

Усложнение системы вторичной художественной условности в романе за счет обогащения ее фактуры и активизации интеграционных процессов свидетельствует о глобализации булгаковской концепции бытия и, как следствие, ведет к выработке соответствующих этому стремлению новых художественных принципов (универсализации хронотопа, реминисцентной насыщенности текста, композиционному параллелизму, стилистическому контрапункту).

4. Художественные модели повести «Тайному другу» и романа «Записки покойника» организованы сочетанием *сатирического, мифологического и фантастического типов условности*. Характер их взаимоотношений имеет специфические черты. Необычайное вводится посредством фантастической посылки – неожиданным появлением Мефистофеля и возникающей в связи с упоминанием имени inferнального гетевского героя аллюзией. Реализация сюжета о Фаусте актуализирует мифомотив договора с дьяволом, важный для понимания авторского замысла в этих произведениях. Реминисцентность экспозиции, постоянные авторские отсылки к «Фаусту» создают комплекс ассоциативных сопоставлений и настраивают читателя на современное восприятие мифомотива. Своеобразный текстуальный диалог концентрирует смысл, усиливает

игровой характер произведений, привнося в них элемент театрализации. Комическая подача автором фантастического допущения и всего эпизода указывает на системообразующую роль сатирической условности. Авторская ирония разрушает иллюзию достоверности, сцена посещения героя Мефистофелем не находит сюжетного развития в дальнейшем повествовании, что указывает на подчиненность и фантастики, и мифомотива сатирической задаче.

5. Результатом интеграционных процессов в системе вторичной художественной условности М.А. Булгакова явился синтез всех ее типологических разновидностей в «Мастере и Маргарите». *Паритетное сосуществование фантастического, мифологического и сатирического типов вторичной художественной условности* обеспечивает пространственно-временную стереоскопичность, обуславливает интегральное смещение повествовательных и семантических планов, поддерживает структурную мозаичность и смысловую полифонию произведения. Концепция романа определяется не только логикой сюжета, но и логикой метафор, сложным переплетением лейтмотивов и ассоциаций.

6. Современная белорусская антиутопия («Последняя пастораль» А. Адамовича, «Корабль» В. Гигевича, «Руки, крылья, бессмертие» С. Минкевича, «Пришелец» А. Бычковского, «Корабль приближается» С. Лукашанца) творчески вбирает в себя художественный опыт М.А. Булгакова, внимание которого неоднократно сосредоточивалось на социальных экспериментах советской эпохи 1920-30-х годов (рассказ и пьеса «Багровый остров», повести «Роковые яйца» и «Собачье сердце», пьеса-предупреждение «Адам и Ева» и др.). Рецепция творческого наследия М.А. Булгакова проявляется в произведениях белорусских прозаиков на уровне проблематики, смысловых и образных аллюзий, ассоциативных пересечений, в использовании сходных принципов структурирования текста: композиционном параллелизме, стилистической гетерогенности, реминисцентной насыщенности. Аллюзивная и непосредственная контаминация белорусских антиутопий с булгаковскими текстами расширяет их семантическое поле, укрупняет концептуальный план произведений.

Личный вклад соискателя

Диссертация является самостоятельным исследованием автора.

Апробация результатов исследования

Результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры литературы УО «ВГУ им. П.М. Машерова», были представлены на следующих конференциях: XI-XIII научных сессиях преподавателей, научных сотрудников и аспирантов УО «ВГУ им. П.М. Машерова» (Витебск, 4-5 февраля 2006 г., 5-6 февраля 2007 г., 5-6 февраля 2008 г.), Межвузовской научной конференции «Риторика в свете современной лингвистики» (Смоленск, 13-14 мая 1999 г.), V Международной научной конференции «Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание. Литературоведение, культурология» (Витебск, 25-27 мая 2000 г.), Международной научной конференции «Творчество А.С. Пушкина и русская культурная традиция» (Липецк, 18-19 мая

2000 г.), Международной научной конференции «Культура и письменность славянского мира» (Смоленск, 24 мая 2004 г., 24 мая 2008 г.), Республиканской научно-методической конференции «Английский язык и англоязычные литературы: проблемы изучения и преподавания в начале XXI века» (Витебск, 18-19 апреля 2006 г.), VII Международной научной конференции «Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание, литературоведение, культурология» (Витебск, 25-27 апреля 2006 г.), VIII Международной научной конференции «Славянские литературы в контексте всемирной» (Минск, 1-3 ноября 2007 г.).

Опубликованность результатов исследования

Основные положения диссертации изложены в 13 публикациях: 4 – в научных изданиях, рекомендованных ВАК РБ (2 авторских листа), 3 – в научных сборниках (2,5 авторских листа), 4 – в материалах научных конференций (0,5 авторского листа), 2 – учебно-методические пособия (2,4 авторских листа). Общий объем опубликованных материалов составляет 7,4 авторских листа.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, трех глав, заключения и библиографического списка. Полный объем работы – 126 страниц (основной текст занимает 109 страниц), список использованных источников включает 242 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **«Введении»** указывается направление диссертации, раскрывается ее методологическая основа, обосновывается актуальность и научная новизна исследования, уточняется понятийная база работы.

В первой главе **«Теоретический аспект проблемы художественной условности в литературе»** анализируются связанные с темой диссертации теоретические вопросы.

В разделе 1.1 **«Содержание понятий «первичная» и «вторичная» художественная условность»** отмечается, что в последних литературоведческих работах условность и правдоподобие разграничиваются как разные явления художественной изобразительности. Исследователи выявляют принципиальное отличие условности от миметических художественных форм (А.А. Михайлова, В.Е. Халлиев, О.В. Шапошникова, Е.П. Ковтун, Н.Г. Владимирова и др.). Термином «вторичная художественная условность» в искусстве обозначается демонстративное и сознательное отступление от правдоподобия.

Далее описываются принципы анализа вторичной художественной условности, критерии выделения отдельных разновидностей повествования о необычном: специфика и мотивация сюжетной посылки, формы выражения необычного, пространственно-временной континуум, особенности сюжетной организации, функции конкретных типов вторичной условности и художественные возможности их интеграции.

В разделе 1.2 «Закономерности и функции сатирического и фантастического типов условности» рассматриваются два типа вымысла – сатирическая и фантастическая условность.

В подразделе 1.2.1 «Свойства сатирического типа художественной условности» выделяются общие принципы создания художественной модели реальности средствами *сатирической условности*, а именно: комическая оценка действительности, социальный критицизм, создание смехового эффекта от нарушения логических связей, иносказательность, намеренное разрушение автором иллюзии достоверности, пародирование, гротескная образность.

В подразделе 1.2.2 «Фантастический тип условности» подчеркивается, что вопрос классификации фантастики носит проблемный характер. Отсутствие единой типологии фантастики влечет за собой множественность толкований функций фантастического в художественных произведениях М.А. Булгакова. При исследовании актуализируются два понятия – фантастический тип художественной условности и фантастика как вспомогательное художественное средство, *прием* (например, при создании гротескного образа). Для *фантастического типа условности* характерно фантастическое начало в качестве структурообразующего принципа, при этом фантастика является одним из основных факторов в выражении смысла произведений.

Качественные признаки и функциональные возможности *научной фантастики* (научно-фантастическая посылка, художественная реализация научных прогнозов, поддержание на протяжении всего повествования иллюзии достоверности), *социальной фантастики* (целостный анализ определенной социальной системы, максимально обобщенное осмысление художественной реальности, гуманитарная направленность проблематики, доминирование нравственно-этического аспекта, интеллектуальная игра, усложненная сюжетная схема, более глубокая, по сравнению с научной фантастикой, разработка характеров) и *fantasy* (существование вымышленного мира как «истинной» реальности, отрицающей все другие концепции мироздания; отсутствие сюжетной посылки, имеющей, как правило, интертекстуальный характер и находящейся за пределами текста в форме мифологем или определенных представлений о существовании сверхъестественного мира, «чудесная» форма вымысла), – исследуются в диссертации как специфические проявления фантастического типа условности.

Раздел 1.3 «Современные подходы к изучению мифа и символа. Мифологическая условность» состоит из двух подразделов.

В подразделе 1.3.1 «Сущность мифа. Мифологическая условность» определяются генетические истоки мифа, рассматриваются его семантика и функции в литературе, дается характеристика *мифологического типа условности*. Мифологическая модель реальности отличается универсальным хронотопом, объективированной формой повествования, реализацией архетипов, персонификацией магических сил, использованием фантастики. Мифологическая условность своей архетипичностью позволяет автору избежать субъективности

при создании художественной картины мироздания. Исследуя функции мифа в повести М.А. Булгакова «Тайному другу», в романах «Белая гвардия», «Записки покойника», «Мастер и Маргарита», мы помним о его «вторичной» природе в булгаковских текстах (литературной форме бытования) и именно на этом основании выстраиваем символическую парадигму произведений писателя.

В подразделе 1.3.2 «Символ и его важнейшие свойства» выделяются две группы образов-символов в прозе М.А. Булгакова: первую составляют возвышенно-романтические символы, служащие воплощением этического идеала автора, другую группу представляют гротескные символы. Полярность символической системы писателя отражает сосуществование в его художественном сознании элементов двух антиномичных по своей природе стилевых направлений – импрессионизма и экспрессионизма.

В завершение главы указывается, что интеграционные процессы в системе вторичной художественной условности у М.А. Булгакова обусловлены наличием общих для всех типов условности принципов создания нереальных образов. В сводной таблице они соотнесены с художественными средствами и приемами моделирования необычного в произведениях писателя.

Таблица 1.

1. Принцип аналогии	Антропоморфные перевоплощения, зооперсонификация, чудесные превращения, предметно-вещные трансформации.
2. Принцип ассоциации	Аллюзия, сон, реминисценция, пародирование, жанровые штампы, параллелизм, ретроспекция, актуализация архетипов
3. Принцип игры	Буквализованный фразеологизм, реализованная метафора, каламбур, парадокс, гротеск, перифраза, специальная терминология (шахматная, лотерейная), театрализация художественного пространства. «переодевание», игровое поведение героев (скоморошество, шутовство). «увенчание/развенчание», зеркальность, двойничество, пропция, амбивалентность образов и ситуаций.

Подчеркивается имманентное родство всех типов художественной условности. Так, внутренняя близость мифологической и фантастической условности связана с синкретичностью первобытного сознания, в котором мифологические и фантастические представления вытекали из веры в реальность «другого», чудесного мира. Столь же активным стремлением к синтезу обладает сатирическая условность, поскольку использует общий для всех типов арсенал художественных средств: от обычной гиперболы до причудливого, «знакомо-чуждого» (Гофман) гротеска. Мощным стимулом художественного синтеза является для литературы универсализм фольклорного мышления: мифопоэтическое, сверхъестественное, сказочное, фантастическое, сатирическое – все предстает неразрывно связанным в народной концепции бытия. Наконец, объединяющим началом для всех типов условности служит система нравственных координат – совершенный смыслоаккумулирующий камертон.

Вторая глава «Специфика вторичной художественной условности в прозе М. А. Булгакова 1920-х годов» состоит из двух разделов.

В разделе 2.1 «Разоблачительно-комическая типизация как основной художественный принцип М.А. Булгакова в 1920-е годы» анализируются специфические булгаковские приемы сатирического отображения действительности. Структуро- и смыслообразующую роль в организации художественного пространства ранних фельетонов, рассказов и повести «Дьяволиада» играет сатирическая условность. Фантастика здесь – вспомогательный прием для обнаружения и раскрытия парадоксальных нелепостей советского быта. Человеческий голос обретает стенгазета («Приключения стенгазеты»), соседскую беседу ведут крысы («Крысинный разговор»), требует медицинскую справку покойник («Приключение покойника»), воюют краснокожие эфиопы с арапами («Багровый остров»). В рассказе «Похождения Чичикова» М.А. Булгаков гротескно обыгрывает появление гоголевского героя в Москве 20-х годов XX века, используя фантастическое допущение, вводимое посредством сна, – присма, ставшего впоследствии характерным для поэтики писателя. Реальное и фантастическое, оттененное гоголевскими реминисценциями, составляют единое поле для осмысления современности. Сон выполняет функцию «волшебной палочки», «чудесным» образом проясняющей нелепости действительности. В рассказе «Воспоминания» М.А. Булгаков восстанавливает в памяти свои мытарства с пропиской в Москве и странный сон про Ленина. В «Сапогах-невидимках» даже во сне герой не может насладиться чудесным даром: волшебник с восхитительным подарком соседствует с обзававшей его «алкоголиком» и «наскомым» женой Маней, воющими детьми, подозрительным милиционером и прочими жизненными неприятностями. В рассказе «Багровый остров» в кривом зеркале фантастического гротеска отражены смешные, внешние нереальные, но до боли знакомые каждому факты текущего дня. Подзаголовок к рассказу («Роман тов. Жюль Верна. С французского на зэповский язык перевел Михаил Булгаков») отсылал читателя к низкосортному литературному ширпотребу – ориентированной на модные западные образцы советской приключенческой беллетристике. Писатель создал язвительную пародию на идеологически тенденциозные литературные однодневки.

В ранних миниатюрах и в «московских» повестях ведущим художественным принципом является сатирическое обобщение. Иносказание создается при помощи реализованной метафоры (говорящая стенгазета, улыбающаяся «белыми зубами» печатная машинка, ползущие змеи бумаги, «поднятый» покойник и т.п.), парадокса (не знающий русского языка корреспондент Альфред Бронский, читающий переписку Энгельса с Каутским Шариков и т.п.), буквализованного фразеологизма (например, «гады ползучие»), зэпова языка (война эфиопов с арапами), символа (красный луч, электрический свет, хоровое пение, село «Концовка» и др.), гротеска, фантастики. Функциональным приемом создания гротескных образов служит игра социальными ролями. В основе комического

эффекта лежит цепь нарушений социального ожидания: неожиданно чтение Шариковым переписки Энгельса с Каутским, непредсказуемо решение Рокка выращивать кур и пр. Комическое имеет множество интонационных обертонов, балансирует между юмором, сарказмом и иронией.

Ирония выводит моделируемую автором ситуацию за пределы социального эксперимента. Появляющийся благодаря иронии философский контекст условен, он возникает в читательском сознании как нравственный эталон, создавая систему противопоставлений.

Раздел 2.2 «Художественные модели реальности в прозе М.А. Булгакова 1920-х годов и специфические приемы их создания» посвящен определению доминантных типов вторичной художественной условности в этот период, выявлению художественного потенциала их интеграции. В «Роковых яйцах» и в «Собачьем сердце» система вторичной условности усложняется. Фантастика имеет в повестях сюжетобразующее значение. Писатель реализует каноны научной фантастики. Однако это лишь внешние жанровые совпадения. В действительности, М.А. Булгаков использует скрытое пародирование научно-фантастической посылки, элементов сюжета, образности, отдельных художественных деталей, традиционных для научной фантастики (в частности для произведений Г. Уэллса, на которого у М.А. Булгакова есть прямые ссылки). Пародийно поданы писателем привычные для научно-фантастической литературы ситуации с подменой, путаницей, неожиданными экспериментальными метаморфозами, непредвиденными поворотами и развязками. В научной фантастике интрига строится на поддержании иллюзии достоверности. У М.А. Булгакова, напротив, иллюзия достоверности намеренно разрушается. «Невозможное» обнажает обыденное, эффект сопереживания порожден соотношением фантастики с реальностью и узнаванием за иносказанием типичных явлений повседневной жизни. Модная в 1920-е годы научная фантастика со всеми сопутствующими ей атрибутами и штампами используется писателем как колоритное поле для сатирического разоблачения действительности.

В романе «Белая гвардия» средствами вторичной условности создается образрая. Символика пятой главы вырастает из взаимодействия нескольких типов условности – мифологического, фантастического и сатирического. Мифологическая условность: неопределенность времени и пространства, предельно обобщенное художественное осмысление «вечных» проблем, эсхатологические мотивы – тесно переплетается с фантастическими повествовательными элементами: специфической сюжетной посылкой (вдруг оказавшимся в раю живым Турбиным), реализованными парадоксами и элементами опрошения (апостол Петр – «штатский старичок», рай принимает гусар «с сапогами и шпорами», «с конями и ...бабами», с итальянской гармоникой и дружным хором голосов: «Дуня, ягодка моя...»). Сатирическая проекция атрибутов реальности на утопическую картину сна Алексея Турбина создает ряд идейных оппозиций, проясняющих авторскую концепцию гуманизации жизни. Рай Турбина, где для Бо-

га все одинаковые, «в поле брани убиенные», – ключ к пониманию романа: при определении вины или правоты верным является не классово-идеологический принцип «белый или красный», а нравственный – «волк или человек».

В 1929 году М.А. Булгаков пишет повесть «Тайному другу», художественное пространство которой создано средствами сатирической, фантастической и мифологической условности. Необычайное в повести вводится фантастической посылкой – появлением оперного Мефистофеля. Имеющий интертекстуальное происхождение мифомотив договора с дьяволом не развивается в последующем повествовании. Его цель – создать ощущение повторяемости, обыденности, почти банальности, представить происходящее как «вечный сюжет». Отсюда иронический тон, насыщение «фантастического» эпизода приметами повседневной жизни. Оперный исполнитель перевоплощается в Рудольфа Рафаиловича, Мефистофеля на современный лад – в лисьей шубе, берете, каше на копыте, с электрической лампочкой в портфеле, купленной по дороге в ближайшем магазине. Превращение черта в редактора Рудольфа подготавливает читателя к будущей «чертовщине», случившейся с героем-писателем после публикации его романа. Сочетание реальных впечатлений и устойчивых сюжетных схем актуализирует сатирический аспект произведения. Повесть «Тайному другу» является переходным звеном к прозе 1930-х годов. Социальное звучание приглушено здесь камерностью темы, уводящей читателя от политики в круг писательских проблем. И все же тема «хождений по мукам», параллелизм героев (Коротков – писатель, Кальсонер – Рудольф) генетически связывают «Тайному другу» с «Дьяволиадой». Тема же проникновения дьявола в обыденную жизнь получит продолжение в 1930-е годы.

Наблюдения показывают, что вторичная художественная условность в прозе М.А. Булгакова 1920-х годов имеет отчетливую динамику, проявляя тенденцию к интеграции различных ее типологических разновидностей.

В третьей главе – «Характер и значение вторичной художественной условности в прозе М. А. Булгакова 1930-х годов» – в центре исследовательского внимания оказываются факторы, обеспечивающие синтез вторичной условности в этот период.

В разделе 3.1 «Вторичная художественная условность в задаче комической интерпретации действительности» анализируются художественные средства комического разоблачения реальности, устанавливаются внешние и внутренние стимулы интеграционных процессов. В романе «Записки покойника», развивающих замысел «Тайному другу», у героя-писателя появляется имя – Сергей Леонтьевич Максудов. Восприятие Булгаковым (в романе – Максудовым) трагедии Гете и ее оперной интерпретации можно квалифицировать как своеобразный «миф о Фаусте». В «Белой гвардии» упоминание «Фауста» создает эмоциональный фон. В «Тайному другу» и «Записках покойника» гетевские реминисценции имеют уже сюжетообразующее значение. В повести дьявол появляется в квартире писателя под оперную увертюру после неудачной

попытки самоубийства героя. В «Записках покойника» ария Фауста спасает Максудова от рокового выстрела, а ожидание выхода оперного Мефистофеля заканчивается его реальным появлением в лице Ильи Ивановича Рудольфи. Иронический тон, в котором описывается фантастическая сцена, разрушает ощущение достоверности, а легкость, с которой автор расстается с таинственным героем, указывает на второстепенность и inferнального мотива и его подчиненность сатирическому замыслу.

В отличие от произведений 1920-х годов и романа «Записки покойника», где вторичная условность функционирует, подчиняясь правилам субординации, «Мастер и Маргарита» демонстрирует равноправное единство всех присутствующих в нем типов условности.

Катализатором синтеза вторичной художественной условности в произведении является карнавализация. Карнавальная двойственность ситуаций и образов, шутовство-скоморошество героев, амбивалентное отношение к дьяволу значимы в философской концепции романа. Эффективным средством в задаче комической интерпретации действительности является карнавализованный гротеск. События, происходящие в Варьете, проникнуты атмосферой балагана. Карнавально амбивалентна ирония Воланда. В соответствии с народными взглядами М.А. Булгаков лишает нечистую силу страшного колорита. Наиболее иллюстративны в этом смысле шутовские образы Коровьева-Фагота и Бегемота. Эти герои имеют не только буффонадные черты, но и фольклорные, составляя традиционную для народного представления о смешном контрастную пару: Коровьев – «гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ невероятно», Бегемот – громадный, «как боров», «здоровеннейший», «жутких размеров кот». Внешне противоположны «длинный, как жердь» Коровьев и «маленький, необыкновенно широкоплечий» Азазелло. В концепции зла Булгаков близок народному отношению к дьяволу, в котором естественно сочетаются и комическое восприятие черта, игровое начало, выражающееся в готовности его обхитрить, и христианская оценка – однозначно отрицательная. Амбивалентность комического плана в «Мастере и Маргарите» поддерживается взаимопроникновением веселого народного смеха и «серьезного» смеха социально обнаженной сатиры. Синкретичность комического создает дополнительные условия для центростремительной ориентации условности в романе.

В разделе 3.2 «Синтез фантастического, сатирического и мифологического типов вторичной художественной условности в романе «Мастер и Маргарита» как итог эволюционного преобразования вымысла в художественной системе М.А. Булгакова» раскрывается художественный потенциал синтеза всех форм необычайного в итоговом произведении писателя. Исходным импульсом повествования в «Мастере и Маргарите» выступает фантастическая посылка – появление в Москве Воланда и его свиты. Иххождение образуют связующие звенья двух линий сюжета: первая является художественным осмыслением библейской легенды о смерти Иисуса Христа в далеком

29-ом году, вторая – отправляет читателя в Москву 1929 года. Столь же важна роль фантастической посылки в подготовке читательского восприятия: автор с ее помощью разрушает стереотипность мышления, привычную логику, установку на известное, узнаваемое; фантастическая посылка задает тон повествованию и настраивает читателя на осмысление специфической романной реальности – сконструированной писателем новой модели бытия.

Тема вмешательства сверхъестественных сил развивается в двух аспектах: в комическом, когда преломляется сквозь призму сатирической условности, и в серьезном, попадая в поле условности мифологической. Образ дьявола-мецената, пунктиром прочерченный в повести «Тайному другу» и «Записках покойника» под именами Мефистофеля, Сатаны, Вельзевула, получил законченное воплощение в образе Воланда, объединяющего все структурные и смысловые пласты «Мастера и Маргариты». Воланд – самый многоликий персонаж в романе: он и «подозрительный» иностранец-профессор, и балаганный затейщик, и грозный повелитель тьмы (гетевский Мефистофель), и гоголевский «реvisor», и веселый Асмодей Лесажа, и суровый, беспощадный судья – посланник «высшей инстанции». В зависимости от роли Воланда в тот или иной момент повествования оценочная реакция автора меняется. В «московских» сатирических главах он надменно глумлив и пренебрежительно насмешлив. Сатирическая условность отражает в себе мифологические и фантастические элементы, преломляя их в комическом аспекте. Циничность Воланда диктуется окружающим героя суетливым и мелким мирком московских обывателей. Чудесные мистификации в Варьете, приключения буфетчика в квартире № 50, куражливые похождения Коровьева, Бегемота, Азazelло – все эти розыгрыши и насмешки сливаются в феерическую гротескно-фантастическую картину.

Мифологический план придает фигуре Воланда серьезность и масштабность. Балаганный тон сменяется многозначной сосредоточенностью, сдержанностью и степенностью. Заострение демонических деталей в образе Воланда (трость с черным набалдашником в виде головы пуделя, разный цвет глаз, способность предугадывать будущее, бриллиантовый треугольник на портсигаре) подчеркивают мистический характер совершающихся событий. Магический смысл происходящего проясняет и специальная атрибутика: волшебный крем, щетка-помело, полная луна, пятница, шабаш ведьм, клыки и копыта, черный кот, вампиры, бал у сатаны и пр. Вовлеченные в inferнальное пространство, Маргарита, Наташа, Николай Иванович обнаруживают в своем облике чудесные перемены. Столкновение с темными силами изменяет их внешность в соответствии с народными представлениями о потустороннем мире.

Актуализация мифологических принципов отчетливо проявляется в построении образной системы, отмеченной многочисленным параллелизмом мотивов, присутствием персонажей-двойников, в объективации архетипических формул человеческого сознания: «добро и зло», «вечность и бренность», «эгоцентризм и жертвенность», «преступление и наказание», «грех и возмездие».

«отступничество и расплата», «вина и раскаяние»). Мифологическая интерпретация современной писателю эпохи обнаруживает ее безнравственность и духовную омертвелость. Попадая в мифологическое пространство, сатирическая условность обогащается философской глубиной, а фантастика приобретает символическую многозначность. За счет синтеза вторичной художественной условности внутренний мир произведения приобретает близкую объективной реальности полифоничность, смысловые слои, аккумулируясь, создают сложный и многоплановый семантический спектр, множественную вариативность интерпретаций и концептуальную масштабность.

В разделе 3.3 «М.А. Булгаков и современная белорусская проза в контексте литературной традиции» характеризуются инновационные явления в развитии современной белорусской фантастики, анализируются такие произведения, как «Последняя пастораль» А. Адамовича, «Корабль» В. Гигевича, «Руки, крылья, бессмертие» С. Минскевича, «Корабль приближается» С. Лукашанца, «Пришелец» А. Бычковского,

Рассказ С. Лукашанца «Корабль приближается» представляет собой сочетание различных социологических концепций, связанных с перспективами развития человеческой цивилизации. Важная для уяснения идеи повести Булгакова «Собачье сердце» мысль профессора Преображенского о спасительной эволюции как единственно приемлемом для человечества пути социального совершенствования может стать ключом к пониманию сути идейного столкновения героев-оппонентов – Главного Астронома Александраса и графа Михая. Специфические для творчества М.А. Булгакова формально-содержательные принципы моделирования художественного пространства (совмещение повествовательных планов, универсализация хронотопа) обнаруживаются в хронометрической организации художественной конструкции рассказа, его смысловой полифоничности. Семантика текста определяется образной реализацией нескольких основополагающих форм человеческого сознания: позитивистское мышление олицетворяет Александрас, мистическое – Шаман, прагматическое – князь Микл, рациональное – граф Михай. В рамках каждого типа сознания осмысливается перспектива встречи с более развитой цивилизацией.

Тенденция монополизации духовной жизни людей, тотального обобществления всего и вся, отмеченная в русской литературе М.А. Булгаковым еще на заре Советской Утопии, воплотилась в рассказе А. Бычковского «Пришелец», в котором автор отметил одну из основных тенденций тоталитарной системы: замену индивидуальных лиц «масками» служебных функций и мировоззрений. В засекреченных лабораториях космического судна-государства Ёх, главный герой постсоветской ангиутопии В. Гигевича «Корабль», видит ученых, которые заняты опытами по клонированию живых клеток. Результаты опытов приводят его в замешательство: «...і ўсёў час, калі я глядзеў на пражорлівых злых істот, якія гатовы былі зжэраці адна адну, мяне ніяк не пакідала адчуванне, што ўсё гэта недзе некалі бачыў»³. Читатель ассоциативно восстанавливает

недостающий элемент, мысленно обращаясь к хорошо знакомому булгаковскому тексту: профессор Персигов, приблизив «свой гениальный глаз к окуляру», замечает оживших в красном луче амёб: *«Вновь рожденные яростно набрасывались друг на друга и рвали в клочья и глотали. Среди рожденных лежали трупы погибших в борьбе за существование. Побеждали лучшие и сильные. И эти лучшие были ужасны»*³.

Тема бессмертия – сквозная для жанра антиутопии. В рассказе С. Минскевича «Руки, крылья, бессмертие» рисуются последствия открытия учеными генетических часов человека. Возникающие аллюзии невольно отсылают читателя к написанным М.А. Булгаковым еще в середине 1920-х годов повестям-предупреждениям «Роковые яйца» и «Собачье сердце». Катастрофа в Концовке зарождается в кабинете занятого проблемами эмбриологии Персикова, идеей омоложения человеческого организма увлечен и профессор Преображенский.

В «Последней пасторали» А.М. Адамович творчески воспринимает и развивает некоторые модернистские элементы художественной системы М.А. Булгакова. Писатель использует в повести характерный для М.А. Булгакова принцип структурирования текста – стилистический контрапункт: сталкивает разнородные по своей природе импрессионистическую и экспрессионистическую художественные стихии. Импрессионистическая фиксация мгновений, тонкая нюансировка чувств, звукописная музыкальность (*«Возьмешь в руку шляпку цветка-гриба, сожмешь – клейкое, липкое, белое полъется по пальцам»*)⁴ (выделено нами. – Н.Г.), «пленэрность» повествования, его живописная мозаичность и красочность подчеркивают ценность и хрупкость мира. Импрессионистическая пульсация и живописность создаются за счет активной цитации, ассоциативности, декламационной интонации, усложненного синтаксиса. Смена глав подчинена не логике, а развивающейся в героине – Еве-Венере – чувственности. Композиция будто стремится восстановить из обломков погибшей в ядерной войне цивилизации былую гармонию мира через пробуждение в Ней женственности, любви как источника новой жизни. Начиная с восьмой главы доминирует экспрессионистическое начало. Совершенно иной, по сравнению с «пасторальными» главами, становится концепция художественного времени. Импрессионистическая самоценность отдельно взятого мгновения смещается вневременной, бытийной протяженностью. Идея повести отрывается от импрессионистической ориентации на переживаемое мгновение, абстрагируется от сюжетной ситуации и помещается в онтологический хронотоп.

³ Гігевіч, В. Карабель: Апovesні, раман / В. Гігевіч. – Мн.: Маст. літ., 1989 – С. 260.

⁴ Булгаков, М. А. Собрание сочинений. В 5 т. / М.А. Булгаков. Редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др.; Подгот. текста и коммент. В. Гудковой и Л. Фиалковой – М.: Худож. лит., 1992. – Т. 2: Дьяволиада: Роковые яйца; Собачье сердце: Рассказы; Фельетоны. – С. 82.

⁵ Адамович, А. Три повести: Хатынская повесть. Каратели. Последняя пастораль / А. Адамович. – М.: ДОСААФ, 1988. – С. 461.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Прогрессивное усложнение и универсализация создаваемых писателем художественных моделей реальности за счет интеграции вторичной условности – следствие постепенного изменения характера связей между сатирическим, фантастическим и мифологическим типами – от отношений субординации к синтезу. Вторичная условность в булгаковской прозе – уникальная функциональная эстетическая система, обладающая динамичной полиморфической структурой, эволюция которой отражает усиление центристических тенденций в творчестве писателя [5; 6].

2. Структурообразующую роль в организации художественного пространства ранних фельетонов и рассказов «Похождения Чичикова», «Воспоминания», «Сапоги-невидимки», «Приключения стенгазеты», «Приключение покойника», «Крысиный разговор», «Багровый остров», повести «Дьяволиада» играет сатирическая условность, которая демонстрирует несоблюдение последовательности и логики действительного течения событий, нарушение причинно-следственных связей и любых физических, психологических, природных законов. Сатирическое иносказание создается средствами первичной и вторичной условности при помощи реализованной метафоры, алогизма, буквализованного фразеологизма, гиперболы, символа, гротеска, фантастики.

Преобладание сатирической условности объясняется установкой писателя на социальную критику. Фантастику в этих произведениях автор использует как продуктивный прием для изображения парадоксов современной ему жизни.

В повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце» вторичная условность отчетливо эволюционирует, представляя собой более сложное структурно-семантическое единство: функциональное сочетание двух типов художественной условности – сатирического и фантастического. Усложнение касается, прежде всего, характера фантастического: если ранее фантастика служила одним из приемов сатирического обнажения, то теперь приобрела сюжетообразующее значение, став одним из смысловыражающих факторов. Однако сатирическое начало продолжает оставаться ведущим. На это указывает открытое пародирование писателем научно-фантастических клише. Так, в отличие от научной фантастики, стремящейся к иллюзии предельной достоверности, психологическому и фактическому «оправданию» нереального в повествовании, фантастика у М.А. Булгакова, напротив, максимально обнажается постоянным соотношением с действительностью, что подтверждает первостепенность сатирической цели.

Ирония актуализирует еще один скрытый смысловой план повестей – философский. Авторская ирония в повестях является своеобразным этическим камертоном. Внешне уравнивающая ценность всех точек зрения и, казалось бы, допускающая возможность их равноправного существования, она смысловым подтекстом разрушает кажущуюся стабильность, обнажает скрытый смысл происходящего, демонстрируя диссонансную природу новой социальной системы [2; 5; 6; 8; 10; 12; 13].

3. В романе «Белая гвардия» средствами вторичной художественной условности создан символический образ рая. Мифологический и фантастический типы являются здесь главенствующими. Эсхатологические мифомотивы тесно переплетаются со структурными элементами фантастической условности, в результате чего происходит их взаимное проникновение и переосмысление. Постоянные отсылки читателя к реалиям современной жизни и их намеренное снижение за счет гротескного соотношения «сиюминутного» и «вечного», десакрализация образов создают сатирический подтекст. Сатирическая условность проявляется в узнаваемости описываемого исторического момента, в ироничности повествовательного тона, комическом подчеркивании относительности классовых правд, укрупнении и комической подаче бытовых реалий. Иносказательная картина происходящей трагедии, поданная в сатирическом преломлении, приобретает дополнительное социальное звучание. Взаимное проникновение и переосмысление фантастики, мифологических и реалистических мотивов проясняет суть символического иносказания, углубляет основной конфликт романа. Сатирическая нота увеличивает смысловую емкость произведения. Условление фактуры вторичной художественной условности в «Белой гвардии» связано с постепенной универсализацией художественного мышления писателя [5: 6; 9].

4. Художественные модели повести «Тайному другу» и романа «Записки покойника» организованы с помощью сатирической, мифологической и фантастической условности. Доминирование какого-либо типа в этих произведениях зависит от авторской задачи на конкретном этапе сюжетного развития. Фантастическое превращение оперного Мефистофеля в реального гостя служит отправным пунктом необычайной истории. Фантастическое и мифологическое естественно вплетено в реалистическое описание неустроенного быта героя, обрастает массой житейских подробностей эпохи первых пятилеток. Опрощение inferнального героя за счет придания ему черт функционера среднего звена настраивает читателя на комически сниженное восприятие происходящего. Смеховая интерпретация мифа является объективацией сатирической условности и указывает на ее системообразующее значение в обоих произведениях. Интертекстуальный мотив, использованный в качестве сюжетной посылки, не разворачивается в самостоятельную повествовательную линию, а после «превращения» дьявола в редактора Рудольфа растворяется в сатирически заостренном, но не выходящем за рамки первичной условности описании мытарств героя. Иронический тон, в котором описывается сцена, разрушает иллюзию достоверности, указывая тем самым на подчиненность inferнального эпизода сатирическому замыслу. Не реализованный полностью, но прозвучавший в этих произведениях мотив заключения договора с дьяволом получит наиболее полное выражение в итоговом романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Центростремительная тенденция в эволюции вторичной художественной условности в булгаковской прозе поддерживается интеграцией импрессионистической орнаментальности и экспрессионистической гротескности. Тонкий лиризм повествовательной интонации, «мерцающее» настроение героя-рассказчика, фиксирование деталей и оттенков быта и бытия в «Тайному дру-

гу» и «Записках покойника» – эти элементы импрессионистической эстетики в сочетании с подчеркнутой ирреальностью, фантастичностью отдельных сцен, с условно-символической обобщенностью лирических и гротесковых образов создают специфический «импрессио-экспрессионистический» рисунок художественной ткани булгаковских произведений, производя эффект полифонического звучания [4; 5; 6].

5. Апробированные М.А. Булгаковым в предшествующих произведениях формально-содержательные принципы моделирования художественной реальности легли в основание синтетизма структурно-семантической концепции «Мастера и Маргариты». В романе наблюдается равновесие трех типов вторичной художественной условности: мифологического, сатирического и фантастического. Фантастическая сюжетная линия скрепляет воедино два других повествовательных пласта: «московские» и «евангельские» главы. Внутреннее содержание и значение фантастики в романе обусловлены ее связью с сатирической и мифологической условностью: тема вмешательства сверхъестественных сил, преломляясь сквозь сатирическую призму, развивается в комическом плане; в свете мифа фантастическое в романе получает серьезные, глубокомысленные обертоны. Наполненный фантастикой сатирический план усиливает свою обличительную функцию. Мифологическая условность подчеркивает вневременной характер и незыблемость нравственного императива. Попадая в ее пространство, сатирическая условность приобретает символическую многозначность. Синтез сатирической, фантастической и мифологической условности, органичное сочетание акцентированной условности и реалистической достоверности, стилистическая какофония повествовательных планов рождает богатство смысловых оттенков, стимулируют образную ассоциативность, создают многоуровневый семантический спектр, множественную вариативность интерпретаций [1; 2; 4; 5; 6; 9; 10; 11].

6. Сопоставление современной белорусской антиутопии с булгаковскими текстами обнаруживает ряд структурно-семантических параллелей. Возникающие в результате ассоциативных сближений аллюзии выполняют функцию генерирования смысла, способствуют перемещению фокуса читательского внимания с занимательной фабулы на нравственные и философские вопросы бытия. Подтекстовое взаимодействие авторской концепции с булгаковскими образами, идеями и идеалами универсализуют локальные ситуации в произведениях белорусских писателей, переводя их в общечеловеческую систему координат [7].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Результаты диссертации могут быть использованы в лекционных курсах по истории русской и белорусской литератур XX века, в спецкурсах и спецсеминарах по творчеству М.А. Булгакова в высших учебных заведениях, в школьной практике, а также для дальнейшего научного исследования вторичной художественной условности в белорусской литературе XX-XXI веков.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК

1. Голубович, Н.В. О природе символа в художественной системе романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Н.В. Голубович // Веснік Віцебскага дзярж. ун-та. – 1998. – № 4 (10). – С. 40-43.

2. Голубович, Н.В. Место и роль традиции в художественной системе М.А. Булгакова / Н.В. Голубович // Веснік Віцебскага дзярж. ун-та. – 2000. – № 4. – С. 64-69.

3. Голубович, Н.В. Сатирическая условность в прозе М.А. Булгакова 1920-х годов / Н.В. Голубович // Веснік Віцебскага дзярж. ун-та. – 2004. – № 2 (32). – С. 83-90.

4. Голубович, Н.В. Мифологизация как ведущий художественный принцип в М.А. Булгакова в «Театральном романе» и «Мастере и Маргарите» / Н.В. Голубович // Веснік Віцебскага дзярж. ун-та. – 2005. – № 2 (36). – С. 85-91.

Статьи в научных сборниках

5. Голубович, Н.В. Синтез вторичной художественной условности в прозе М.А. Булгакова / Н.В. Голубович // Беларуская-руская-польская супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: зборнік навуковых артыкулаў / Пад агульнай ред. А.М. Мезенкі. – Віцебск: Выдавецтва УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2006. – С. 392-394.

6. Голубович Н.В. Эволюция вторичной художественной условности в прозе М.А. Булгакова / Н.В. Голубович // Профессиональное образование / Приложение «Новые педагогические исследования», № 1, 2007. – Москва: АПО, 2006. – С. 40 – 42.

7. Голубович, Н.В. «Адам и Ева» М. Булгакова и «Последняя пастораль» А. Адамовича как антиутопии / Н.В. Голубович // Славянскія літаратуры ў кантэксте сусветнай: Міжнар. навук. канф., прысвеч. 125-годдзю з дня нарадж. Янкі Купалы і Якуба Коласа, Мінск, 1-3 лістап. 2007 г. / БДУ: зб. навук. арт.: рэдкал.: Т.І. Шамякіна (адк. рэд.); пад агул. рэд. І.С. Роўды. – Мінск: Выд. центр БДУ, 2008. – С. 195-198.

Материалы научных конференций

8. Голубович, Н.В. К вопросу о специфике символообразования в условно-метафорической прозе М.А. Булгакова / Н.В. Голубович // Риторика в свете современной лингвистики: тез. докл. межвуз. научн. конф., Смоленск, 13-14 мая 1999 г. / Смол. гос. пед. ун-т; Под ред. Э.М. Береговской. – Смоленск, 1999. – С. 21-22.

9. Голубович, Н.В. Пушкинский лейтмотив в творчестве М.А. Булгакова / Н.В. Голубович // Творчество А.С. Пушкина и русская культурная традиция: материалы междунар. науч. конф., Липецк, 18-19 мая 1999 г. / Липецкий гос. пед. ун-т; Под ред. В.А. Сарычева. – Липецк, 2000. – С. 106-108.

10. Голубович, Н.В. Методологическая ориентация М.А. Булгакова в свете сопоставительного литературоведения / Н.В. Голубович // Беларуска-рускapольскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: матэрыялы V Міжнар. навук. канф., Віцебск, 25-27 мая 2000 г. / Віцебскі дзярж. ун-т. імя П.М. Машэрава; Пад ред. Л.М. Вардамацкага, А.М. Мезенкі – Віцебск, 2000. – С. 140-141.

11. Мифологическая условность в прозе М.А. Булгакова / Н. В. Голубович // Культура и письменность славянского мира: сборник материалов междунар. науч. конф., Смоленск, 24 мая 2004 г. / Изд-во СГПУ, 2004. – Т. IV. – С. 193-198.

Учебно-методические пособия

12. Голубович, Н.В. Онтологические ценности в прозе М.А. Булгакова 20–30-х годов: Пособие для студ. и учит./ Н.В. Голубович. – Витебск, 2000. – 25 с.

13. Голубович, Н.В. Проза М.А. Булгакова 20–30-х годов в контексте культурных традиций: Методическое пособие для студ. филол. / Н.В. Голубович. – Витебск, Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2001. – 37 с.

РЕЗЮМЕ

Голубович Нина Васильевна

Типы и функции вторичной художественной условности в прозе М. А. Булгакова

Ключевые слова: вторичная художественная условность, фантастика, сатира, миф, гротеск, фольклор, эволюция, интеграция, синтез.

Цель исследования – выявить специфику вторичной художественной условности в прозаических произведениях М.А. Булгакова.

Методологию работы составляет комплексный подход, сочетающий сравнительно- и системно-типологический анализ с культурно-историческим и текстологическим.

Научная новизна полученных результатов. Проза М.А. Булгакова изучена в новом аспекте – с точки зрения закономерностей функционирования вторичной художественной условности и ее эволюции на протяжении всего творчества М.А. Булгакова; выявлены содержательные и художественные отличия, мотивация и функции конкретных типов художественной условности – сатирического, мифологического, фантастического; вычленены те составляющие, родство которых обеспечивает возможность их синтеза; исследованы случаи взаимного переосмысления художественных принципов и семантических ассоциаций, свойственных разным типам; определена логика эволюционного преобразования вторичной условности; осуществлен сопоставительный анализ художественных моделей реальности в прозе М.А. Булгакова и произведениях современных белорусских писателей (А. Адамовича, В. Гигевича, С. Минкевича, А. Бычковского, С. Лукашанца).

Научная и практическая значимость проведенного исследования заключается в получении результатов, доказывающих эволюционный характер вторичной художественной условности в булгаковской прозе и развивающих научные представления об общих принципах функционирования художественной условности в тексте. Выявление специфики отдельных типов вторичной художественной условности и установление их родства, изучение художественных моделей реальности как системы взаимосвязанных типов вымысла имеет значение для будущих аналогичных исследований.

Результаты диссертации могут быть использованы в лекционных курсах по истории русской и белорусской литератур XX века, в спецкурсах и спецсеминарах по творчеству М.А. Булгакова в высших учебных заведениях, в школьной практике, а также для дальнейшего научного исследования вторичной художественной условности в белорусской литературе XX-XXI веков.

Галубовіч Ніна Васільеўна

Тыпы і функцыі другаснай мастацкай умоўнасці ў прозе М. А. Булгакава

Ключавыя словы: другасная мастацкая ўмоўнасць, фантастыка, сатыра, міф, гратэск, фальклор, эвалюцыя, інтэграцыя, сінтэз.

Мэта даследавання – выявіць спецыфіку другаснай мастацкай умоўнасці ў празаічных творах М.А. Булгакава.

Метадалогію работы складае комплексны падыход, які спалучае параўнальна- і сістэмна-тыпалагічны аналіз з культурна-гістарычным і тэксталагічным.

Навуковая навізна атрыманых вынікаў. Проза М.А. Булгакава вывучана ў новым аспекце – з пункту гледжання заканамернасцей функцыянавання другаснай мастацкай умоўнасці і яе эвалюцыі на працягу ўсей творчасці М.А. Булгакава; выяўлены змястоўныя і мастацкія адрозненні, матывацыя і функцыі канкрэтных тыпаў мастацкай умоўнасці – сатырычнага, міфалагічнага, фантастычнага; вылучаны тыя складальнікі, роднасць якіх забяспечвае магчымасць іх сінтэзу; даследаваны выпадкі ўзаемнага пераасэнсавання мастацкіх прынцыпаў і семантычных асацыяцый, уласцівых розным тыпам; вызначана логіка эвалюцыйнага пераўтварэння другаснай умоўнасці; зроблены супастаўляльны аналіз мастацкіх мадэляў рэальнасці ў прозе М.А. Булгакава і творах сучасных беларускіх пісьменнікаў (А. Адамовіча, В. Гігевіча, С. Мінскевіча, А. Бычкоўскага, С. Лукашанца).

Навуковая і практычная значнасць праведзенага даследавання заключаецца ў атрыманні вынікаў, якія даказваюць эвалюцыйны характар другаснай мастацкай умоўнасці ў булгакаўскай прозе і развіваюць навуковыя ўяўленні аб агульных прынцыпах функцыянавання мастацкай умоўнасці ў тэксце. Выяўленне спецыфікі асобных тыпаў другаснай мастацкай умоўнасці і ўстанаўлення іх роднасці, вывучэнне мастацкіх мадэляў рэальнасці як сістэмы ўзаемазвязаных тыпаў вымыслу мае значэнне для будучых аналагічных даследаванняў.

Вынікі дысертацыі могуць быць выкарыстаны ў лекцыйных курсах па гісторыі рускай і беларускай літаратуры XX стагоддзя, у спецкурсах і спецсемінарах па творчасці М.А. Булгакава ў вышэйшых навучальных установах, у школьнай практыцы, а таксама для далейшых навуковых даследаванняў другаснай мастацкай умоўнасці ў беларускай літаратуры XX-XXI стагоддзяў.

SUMMARY

Golubovich Nina Vasilyevna

Types and function of the secondary art convention in the prose by M. A. Bulgakhov

Key words: secondary art convention, fantasy, satire, myth, grotesque, folklore, evolution, intergration, synthesis.

The aim of research – to reveal the specificity of the secondary art convention in the prosaic works by M.A. Bulgakhov.

The theoretical and methodological basis of the research was compiled by cultural and historical, comparative and typological methods.

The scientific novelty of the received results. The prose by Bulgakhov has been investigated in a new aspect – from the point of view of the conformities to the function of the secondary art convention and the evolution of the secondary art convention is being investigated on the research work; the differences of the plot and art differences, motivation and functions of certain types of the art convention – satirical, mythological, fantastic – have been revealed; the related components providing the possibility of the synthesis of different types of fantasy in art works have been distinguished; the cases of mutual recomprehending of the art principles and semantic associations peculiar to different types have been investigated; the logic of the evolutionary transformation of the secondary art convention has been defined in art models of reality created with the help of the evolutionary art convention; the comparative analysis of art models of reality in the prose by M.A. Bulgakhov and the works of modern belarusian writers (A. Adamovich, V. Higevich, S. Minskevich, A. Bichkovskij, S. Lukhashanetc) has been made.

The scientific and Practical Importance of the research is in the results confirming the evolutionary character of the secondary art convention in the prose by Bulgakhov and developing scientific ideas about general principles of the functioning of the art convention in the text. The revealing of the specific features of certain types of the secondary art convention and determining their relationship, the analysis of the process these sense revealing with the help of reality as a system of the correlated types of fiction has an importance for coming similar researches in the native history and criticism of literature.

The results of the dissertation can be used in lecture courses on the history of Russian and Belarusian literatures of the 20th century, in special courses and seminars on creative activity by M.A. Bylgakhov at Universities, in teaching practice and also for further scientific investigation of the secondary art convention in Belarusian literature of the 20-21st centuries

